

СРЕДИ фрагментов, так и не вошедших в телевизионный фильм «Два капитана», есть эпизод, в котором извечный антагонист и соперник главного героя, благородного, мужественного Сани Григорьева, Ромашка, как прозвали его одноклассники, читает на уроке литературы стихотворение Лермонтова «Тучки небесные, вечные странники...». Удивительно читал это стихотворение Юрий Богатырев, игравший Ромашова. Думалось — откуда в его Ромашке такая давняя, глухая тоска, что не ожиданно взметнулась и выплеснулась в лермонтовских строках? Откуда в этом размеренно расчитанном и осознанно циничном человеке столь внезапная боль одиночества, отторженности? Откуда, наконец, такое страстное желание хотя бы один раз оказаться понятым в этой боли другим?..

Наверно, ответ следует искать не только и не просто в том, как неожиданно смело решил Юрий Богатырев характер Ромашова. Актер не судит Ромашова, в общем заслуживающего осуждения, не акцентирует в нем дурное, темное, что с ранних лет отторгало от Ромашки его сверстников. Может быть, актер жалеет своего героя? Да, в какой-то мере, но ровно настолько, насколько заслуживает того человек, не сумевший вовремя соотнести свое «я» с окружающим миром.

В том, как отнесся Юрий Богатырев к Михаилу Ромашову, — своего рода ключ к тайне самого актера, потому что иначе, как тайной, процесс рождения человеческого характера на сцене или на экране не назовешь. Однако попытаемся все же — пусть и отчасти — разгадать эту тайну.

КАЖДЫЙ день актер проходит шумными, многолюдными улицами. Вокруг лица, такие разные, неожиданные. В каждом из них он ищет единственную метрику, неповторимость. Как говорит сам актер — «свою историю». В ней, в этой особой истории, ищет Богатырев суть характера человека, в ней для него — корни, переплетение всяких контрастных начал человека. Дурное, доброе, сильное, слабое, воля и желание уйти от активного действия, разлад с собой и согласие с собой... Все это хочет угадать, увидеть Юрий Богатырев во встречаемых людях. Запомнить. Понять. А позже, будь то театр или кинематограф, донести до нас прекрасную сложность человеческой души, поражая зрелым умением постигнуть ее... Разве не об этом строки Рильке?

Рождение взгляда. В чем его значенье?..
Где скрипки тонкой оборвался звук, и в чьей душе он канул в отдаленный?..
Разве не таковы герои актера?

В каком бы временном облике мы их ни встретили, о чем бы они ни заговорили с нами, всегда настаивают они на отклике, на понимании, праве на сострадание. Богатырев так и начинал — в поиске сложности. Достаточно назвать роли в дипломных спектаклях. Версиров в «Подорожке» Достоевского, капитан Охотин из «Бранденбургских ворот» Светлова, «благородный отец» Оттавио Арретузи в «Бабих сплетнях» Гольдони. Две роли в гоголевском «Носе», сыгранные Юрием с блистательной иронией, и еще две — в «Пышке» Мопассана (ее вы-

пускники Щукинского училища играли на французском языке). Диапазон огромный... Как найти при таком варианте единое, короткое определение, способное емко и точно выразить общую устремленность актера? Пожалуй, желание отразить бесконечное разнообразие окружающей нас жизни в характерах людей, в удивительно странной и органичной логике их чувств, в закономерных неожиданностях их поступков.

Именно в таком русле работают и талантливые сокурсники Богатырева, воспитанные прекрасным, чутким педагогом Ю. В. Катиним-Ярцевым. Тому подтверждение — уже сами их имена: Наталья Гундарева, Наталья Варлей, Константин Райкин, Анна Варпаховская... С этим вошел Юрий Богатырев в кол-

лектив «Современника» восемь лет назад. В спектакли, где, казалось, все давно сыгралось и устоялось и нет необходимости что-то менять.

Но вот вводят молодого актера в постановку почти легендарных «Вечно живых». И неожиданно возникает совершенно иная фигура Марка — обездоленная ущербностью, мучающаяся в постоянном сознании собственной беспомощности, стремлении взять реванш, а он манит и не дается в руки. Драматург Виктор Розов, поздравляя актера, сказал, что сам не ожидал встречи с таким драматичным, неоднозначным решением, которое предложил Юрий Богатырев.

Герцог Орсино в «Двенадцатой ночи» Шекспира. Богатырев был одновременно и полон сочувствия к страдальцу — влюбленному, но и полон иронии, посмеиваясь над придуманной, неземной любовью. Актер в этом спектакле точно идет по узкой тропе, элегантно балансируя, улыбаясь. Богатыреву в этой роли пригодились драгоценное ощущение стиля, идущее от внутренней пластичности актера, от его дара живописца.

ДО поступления в Театральное училище имени Щукина Богатырев профессионально занимался живописью, учился, но влечение к сцене оказалось более властным. Впрочем, с живописью он не расстался. Он оформлял дипломные спектакли, в которых сам участвовал, а позже вместе с Александром Адабашьяном стал художником-постановщиком «Пяти вечеров» Володина у щукинцев. Богатырев пишет по сей день. Чаще всего это портреты, в них ощутима душевная близость автора своим моделям. В этом ряду удивителен портрет Андрея Миронова: актер лишен здесь привычного эстрадного налета, ушедший в себя, отрешенный от сиюминутного, случайного.

На листах Юрия Богатырева — геологи, цирковые акробаты, художники. Он увидел их в минуты раздумий, сосредоточенного всматривания в самого себя. Вспоминаются слова Достоевского —

«мысль решить надобно». Эта аналогия, думается, уместна и в отношении актерских созданий Богатырева. Богатырев дебютировал ролью Егора Шилова в картине Н. Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». Дебют выявил определенный профессионализм начинающего актера, его умение принять, зарыться стихией игры в вестерн, которую предложил всем участникам картины режиссер. Уже в следующем фильме Н. Михалкова «Раба любви», в маленькой эпизодической роли героя немой картины, он поразил остротой и отточенностью рисунка, тонкой стилизацией, заставляя увидеть в себе актера вахтанговской школы. Богатыреву здесь интересно, много интереснее, чем в первой ленте Михалкова; на ма-

ловека «сильно-слабого» (по выражению самого актера), чья обостренная ранимость, впечатлительность рождает постоянные душевные перегрузки, а одержимость оборачивается трагическими душевными спадом. Такова и любовь Мартина Идена, возвышающая, шлифующая душу, талант... Но рожденная скорее романтическими иллюзиями, нежели беспощадной реальностью, гибнущая от ее прикосновения.

Любовью жив и его Филиппок («Объяснение в любви») и любовью вдохновлен. Но с какой свежестью звучит этот мотив у Богатырева! Пожалуй, впервые актер так мягко и трогателен, так незамутнен и растерян перед огромным своим чувством. Великая, прекрасная любовь Филиппка скромна во внешнем своем проявлении. Он и Пушкина читает, будто это его личные, собственные его слова, только что родившиеся при взгляде на Зиночку. Любовь естественна для него, как дыхание, как приход весны, как рассвет. Любит благоговейно — вспомним это старинное слово, потому что иначе трудно назвать ту абсолютную поглощенность чувством, которой пронизана жизнь Филиппка. И творчество его. Дар Филиппка-писателя для Богатырева есть продолжение его дара любить безоглядно и единственно, продолжение его цельности и чистоты.

Жизнь нередко круто ломает людей, заставляя их утрачивать детскую ясность взгляда, а сохранивший ее обретает в дальнейшем своем пути удивительную стойкость. Слабый, тихий «непротивленец» Филиппок оказывается способным вынести так много и так мужественно. Касается ли это его любви к Зиночке, его творческих исканий, его преданности своей стране.

ЮРИЙ Богатырев снимался и снимается у очень разных режиссеров, чей почерк ярко индивидуален и отличен один от другого.

— Это трудно и интересно, — говорит Богатырев. — Новые задачи развивают твои актерские возможности. Мне кажется, я никогда еще не сыграл двух одинаковых ролей. И не могу, не умею сниматься сразу в несколько картинах, даже в двух. Такая параллельная работа кажется мне непозволительной в нашей профессии.

Минувший год был для Юрия Богатырева обозначен двумя новыми фильмами (мы скоро увидим их). Он сыграл Саяпина в экранизации «Утиной охоты» А. Вампилова, «человека, который смотрит на вас, но вас не видит, слушает вас, но вас не слышит, у которого ни проблеска мысли в глазах... Главное для него — чтобы было смешно, вот рубеж, вот предел его духовной жизни, если слово «духовность» вообще применимо в отношении к нему», — так говорит о Саяпине Богатырев. Сыграл он и Андрея Львова в телевизионном киноварианте «Открытой книги» В. Каверина. Начал сниматься в роли Штольца — фильм «Илья Ильич» ставит на киностудии «Мосфильм» Н. Михалков.

Богатырев пришел на сцену и в кинематограф сравнительно недавно. Талант актера счастливо сочетается с огромным уважением к своему делу, в непреходящем интересе к нему. В этом — и будущее молодого художника, верится — доброе будущее.

Э. ЛЫДИНА.

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

РОЖДЕНИЕ ВЗГЛЯДА

лектив «Современника» восемь лет назад. В спектакли, где, казалось, все давно сыгралось и устоялось и нет необходимости что-то менять.

Но вот вводят молодого актера в постановку почти легендарных «Вечно живых». И неожиданно возникает совершенно иная фигура Марка — обездоленная ущербностью, мучающаяся в постоянном сознании собственной беспомощности, стремлении взять реванш, а он манит и не дается в руки. Драматург Виктор Розов, поздравляя актера, сказал, что сам не ожидал встречи с таким драматичным, неоднозначным решением, которое предложил Юрий Богатырев.

Герцог Орсино в «Двенадцатой ночи» Шекспира. Богатырев был одновременно и полон сочувствия к страдальцу — влюбленному, но и полон иронии, посмеиваясь над придуманной, неземной любовью. Актер в этом спектакле точно идет по узкой тропе, элегантно балансируя, улыбаясь. Богатыреву в этой роли пригодились драгоценное ощущение стиля, идущее от внутренней пластичности актера, от его дара живописца.

ДО поступления в Театральное училище имени Щукина Богатырев профессионально занимался живописью, учился, но влечение к сцене оказалось более властным. Впрочем, с живописью он не расстался. Он оформлял дипломные спектакли, в которых сам участвовал, а позже вместе с Александром Адабашьяном стал художником-постановщиком «Пяти вечеров» Володина у щукинцев. Богатырев пишет по сей день. Чаще всего это портреты, в них ощутима душевная близость автора своим моделям. В этом ряду удивителен портрет Андрея Миронова: актер лишен здесь привычного эстрадного налета, ушедший в себя, отрешенный от сиюминутного, случайного.

На листах Юрия Богатырева — геологи, цирковые акробаты, художники. Он увидел их в минуты раздумий, сосредоточенного всматривания в самого себя. Вспоминаются слова Достоевского —

«мысль решить надобно». Эта аналогия, думается, уместна и в отношении актерских созданий Богатырева. Богатырев дебютировал ролью Егора Шилова в картине Н. Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». Дебют выявил определенный профессионализм начинающего актера, его умение принять, зарыться стихией игры в вестерн, которую предложил всем участникам картины режиссер. Уже в следующем фильме Н. Михалкова «Раба любви», в маленькой эпизодической роли героя немой картины, он поразил остротой и отточенностью рисунка, тонкой стилизацией, заставляя увидеть в себе актера вахтанговской школы. Богатыреву здесь интересно, много интереснее, чем в первой ленте Михалкова; на ма-

ловека «сильно-слабого» (по выражению самого актера), чья обостренная ранимость, впечатлительность рождает постоянные душевные перегрузки, а одержимость оборачивается трагическими душевными спадом. Такова и любовь Мартина Идена, возвышающая, шлифующая душу, талант... Но рожденная скорее романтическими иллюзиями, нежели беспощадной реальностью, гибнущая от ее прикосновения.

Любовью жив и его Филиппок («Объяснение в любви») и любовью вдохновлен. Но с какой свежестью звучит этот мотив у Богатырева! Пожалуй, впервые актер так мягко и трогателен, так незамутнен и растерян перед огромным своим чувством. Великая, прекрасная любовь Филиппка скромна во внешнем своем проявлении. Он и Пушкина читает, будто это его личные, собственные его слова, только что родившиеся при взгляде на Зиночку. Любовь естественна для него, как дыхание, как приход весны, как рассвет. Любит благоговейно — вспомним это старинное слово, потому что иначе трудно назвать ту абсолютную поглощенность чувством, которой пронизана жизнь Филиппка. И творчество его. Дар Филиппка-писателя для Богатырева есть продолжение его дара любить безоглядно и единственно, продолжение его цельности и чистоты.

Жизнь нередко круто ломает людей, заставляя их утрачивать детскую ясность взгляда, а сохранивший ее обретает в дальнейшем своем пути удивительную стойкость. Слабый, тихий «непротивленец» Филиппок оказывается способным вынести так много и так мужественно. Касается ли это его любви к Зиночке, его творческих исканий, его преданности своей стране.

ЮРИЙ Богатырев снимался и снимается у очень разных режиссеров, чей почерк ярко индивидуален и отличен один от другого.

— Это трудно и интересно, — говорит Богатырев. — Новые задачи развивают твои актерские возможности. Мне кажется, я никогда еще не сыграл двух одинаковых ролей. И не могу, не умею сниматься сразу в несколько картинах, даже в двух. Такая параллельная работа кажется мне непозволительной в нашей профессии.